

Иллюстрации: [Анна Горемыка](#) для ОВД-Инфо

04.09.2019, 09:10 Москва

ИНТЕРВЬЮ

Плачущая Фемида и 11 часов в суде: защитники задержанных на митингах — о своей работе

2630 — столько задержаний, по данным ОВД-Инфо, было на трех митингах за допуск независимых кандидатов. Суды проходят каждый день. Помимо адвокатов и юристов, есть еще люди, готовые представлять интересы задержанных в судах. Шестеро общественных защитников рассказали ОВД-Инфо о своей мотивации, отношении судей к протестующим и о том, зачем участвовать в заранее проигрышных делах.

РЕШЕНИЕ СТАТЬ ЗАЩИТНИКОМ

Мелания: То, что происходит этим летом, — возмутительно. Люди выразили свою гражданскую позицию и столкнулись с проблемами, которые показались мне большой несправедливостью. Это чувство побудило меня пойти на семинар моего знакомого Дениса Шедова, юриста правозащитного центра «Мемориал».

Елизавета: Я учусь на факультете права — мне кажется, юристы особенно чутко отзываются на несправедливость в судебной системе, ведь мы хорошо понимаем, как это происходит и почему так быть не должно. Кроме того, последние несколько лет я следила за протестами, сама чуть несколько раз не была задержана. Я понимаю, насколько страшно одному остаться в этой ситуации. Как часто пишет ОВД-Инфо, мы здесь для того, чтобы человек не оставался один на один с системой.

Лидия: На мою почту пришло письмо руководителя практики о том, что требуется помощь в судах, и я поняла, что не могу стоять в стороне. Каждый выражает свою позицию по-своему. На митинги я не хожу — боюсь. Но безумно восхищаюсь людьми, которые выходят на улицы отстаивать своё мнение. Поэтому я решила помогать им тем, чем могу.

Алина: Последнее время я очень сильно переживаю из-за всего, что происходит в России. Читаю новости — и наворачиваются слезы. В какой-то момент меня начало душить то, что я смотрю на это и ничего не делаю. Пообещала родителям не ходить на митинги, чтобы они лишней раз не переживали, поступила на факультет права и пошла защищать протестующих.

Абу: Наказывать людей за то, что они мирно выражают свою точку зрения, — неправильно. Кроме того, права человека — это то, чем я планирую заниматься в будущем. Защищая незаконно задержанных людей в судах, я становлюсь ближе к своей цели. Это также способ выразить свою гражданскую позицию.

Ксения: Мне стало страшно оттого, что механизмы гражданского общества плохо работают и люди остаются без защиты.

ПОДГОТОВКА

Мелания: Информации на семинаре в правозащитном центре «Мемориал» и определенного количества практики вполне достаточно, чтобы выступать в районных судах.

Елизавета: Стать защитником может любой человек. Для этого требуется особая подготовка, в том числе судебным юристам, которые работают в других сферах. Нужно ознакомиться с судебной практикой, понять, какие ходатайства подавать, как общаться с подзащитным — люди очень часто напуганы, среди них часто встречается выученная беспомощность.

Лидия: Нужно желание — это самое главное. Если у тебя есть юридическое образование или ты студент юридического факультета, будет гораздо проще.

Алина: Я очень боялась, что без юридического образования будет сложно, но на трехчасовом семинаре мы обсудили все тонкости таких дел. Очень полезна инструкция «[Помоги себе сам](#)» от ОВД-Инфо.

Абу: Единственное, что нужно — желание помочь как задержанным, так и юристам ОВД-Инфо, поскольку поток дел колоссальный.

Ксения: Чтобы стать общественным защитником, нужны базовые знания по праву и желание учиться и помогать. Опыт набирается довольно быстро.

Первые впечатления

Мелания: Чувствовать себя причастной к защите тех, чьи права были нарушены, одновременно здорово и страшно. Понимаешь, что никакой независимой судебной власти

нет: все исполняют приказ сверху. Судьи на полном серьезе считают, что митингующие — «пособники Госдепа», которым обязательно кто-то заплатил.

Елизавета: Многие люди, которые знакомятся с судебной бюрократической системой, говорят: «Я слышал, что все плохо, но не предполагал, что настолько». Примерно такие ощущения появляются после первого судебного заседания.

Лидия: Мне запомнился первый день, а не первое заседание — так вышло, что я попала сразу на пять дел. Когда я приехала, материалов дела не было, пришлось долго ждать. Первый судья меня почти не слушал, второй пытался «научить праву», говоря о «стадии ходатайств» (спойлер: ее тут нет). В итоге я провела в суде около 11 часов.

Алина: Было очень страшно — все-таки берешь на себя ответственность за другого человека. Нервов добавило еще и то, что дело моего первого подзащитного

отсутствовало в электронной картотеке суда. Мы бегали между залом и канцелярией в надежде, что нам выдадут материалы и не рассмотрят дело без нашего участия. Но, когда мы зашли в зал, все переживания как рукой сняло. Да и судья оказалась довольно спокойной: не перебивала и не отчитывала, как иногда бывает.

Абу: В мой первый день у меня было несколько судебных заседаний. Тогда я нарисовал на листке не понадобившегося ходатайства плачущую Фемиду и по дороге домой написал в заметках на телефоне следующее: «Мне так жалко Фемиду у здания Верховного суда, ведь она без повязки и вынуждена наблюдать за беззаконием, именуемым в российских судах правосудием».

Ксения: Я ощущала мощный прилив адреналина. Расстроилась, что подзащитного признали виновным, но была рада, что, по крайней мере, он не остался один на один с судом.

САМОЕ ЯРКОЕ ВОСПОМИНАНИЕ

Мелания: Судья не смогла сдержать эмоции и начала кричать: «Кто вас мотивировал материально?»

Елизавета: Судья в Хамовническом суде любил говорить, что рапорты полицейских «согласованы, логичны и непротиворечивы». На это я отвечала ему, что они «согласованы, логичны и непротиворечивы» вплоть до орфографических и пунктуационных ошибок.

Лидия: Судья ответила на ходатайство о вызове полицейских, что она «не может нарушать права граждан». В той ситуации это звучало довольно комично.

Алина: Я защищала своего приятеля — он член УИК с правом решающего голоса. Между ним и судьей завязалась забавная беседа примерно такого содержания:

«Молодой человек, вот вы член избирательной комиссии... На митинге-то что делали?» — «Защищал право граждан на выбор». — «Ага, а теперь девушке защищать вас!»

Абу: В своей речи я сослался на дело ЕСПЧ «Ойя Атаман против Турции». Судья сказала следующее: «Так это против Турции, зачем вы о нем говорите?» Действительно, зачем.

ПОМОЩЬ НА ПРОЦЕССЕ

Мелания: В первой и второй инстанциях моя помощь не меняет ничего, но именно там и начинается подготовка к ЕСПЧ. Нужно подавать определенные ходатайства, искать как можно больше нарушений в действиях сотрудников полиции. Это все будет иметь большое значение, когда дело дойдет до международного суда — чем больше прав из Европейской конвенции окажутся нарушенными, тем вероятнее подзащитный сможет получить компенсацию за беззаконие, с которым ему пришлось столкнуться.

Елизавета: Если в процессе без защитника нет никаких шансов на положительный исход, то с защитником такой шанс есть. Порой суд учитывает доводы о том, что человек не работает, у него есть дети на иждивении, и назначает не штраф в 20 тысяч рублей, а обязательные работы.

Лидия: Несмотря на грубые ошибки, у судьи все равно «нет оснований не доверять рапортам сотрудников полиции». Даже если у вас есть видеозапись! В первую очередь, наша помощь влияет на уверенность подзащитного. В материалах дела я также могу заметить некоторые моменты, которые подзащитный мог упустить.

Абу / Фото предоставлено Абу

Лидия / Фото предоставлено Лидией

Елизавета / Фото предоставлено Елизаветой

Алина / Фото предоставлено Алиной

Мелания / Фото предоставлено Меланией

Алина: В подобных делах мало что зависит от защитника и подзащитного. Зато некоторые говорили, что со мной им в суде спокойнее, да и основную бумажную работу мы берем на себя.

Абу: Эти дела заранее проигрышные. Но речи в судах, в которых мы говорим, как все должно быть в настоящем демократическом государстве, опосредованно влияют на правоприменительную практику: что-то откладывается в головах у судей, что-то фиксируется на бумаге и переносится в решение. Тот факт, что наши доводы становятся частью российской правовой материи, в дальнейшем может изменить судебную практику. Мне хочется в это верить.

Ксения: Думаю, что моя помощь на исход конкретного дела сильно не влияет, но дает понять, что подзащитные не одиноки и подавить их не получится.

ТИПИЧНЫЙ СУДЬЯ

Мелания: Судьи мне попадались очень разные, некоторые из них были очень приятными людьми. Типичный судья — это человек, не желающий прислушиваться к доводам людей с противоположной точкой зрения. Их, конечно, можно понять: никто не хочет терять премию, работу. Некоторые из судей — заложники своего положения, не могут пойти против указа сверху. Я не осуждаю их, но осадок остается неприятный.

Елизавета: У меня было 15 судебных заседаний по таким делам, и портрет типичного судьи выглядит так: это человек, который максимально безразличен к подзащитному, к его незаконному задержанию. Судьи ведут себя так, как будто максимальное наказание, которое грозит нашим подзащитным, — это штраф в 300 рублей.

Лидия: У меня было около 20 заседаний. Все они имели общую черту: тебя очень мало слушают. Судья редко заинтересован в твоём рассказе или рассказе подзащитного и отклоняет почти все ходатайства.

Алина: Пока у меня было только шесть заседаний. Найти что-то общее у судей очень тяжело. Кто-то может молчать всё заседание и не проявлять никакого интереса к делу, кто-то стремится зацепить тебя и «докопаться» до каждого слова. Были и такие, кто внимательно относился к объяснениям и допросам.

Абу: У меня было около 40 судебных заседаний. Я заметил, что многие судьи не поднимают глаз. Не знаю, усталость ли это, отсутствие интереса к происходящему. Возможно, им действительно стыдно. Стыдно выносить такие решения по бесосновательным, составленным кое-как делам. Некоторые судьи убеждены в виновности участников публичных акций. Одна даже сказала моей подзащитной, что если она хочет митинговать, то ей надо «переехать в Европу», после чего добавила: «Не надо в России беспорядки устраивать».

Ксения: У меня было всего два судебных заседания. Судьи выслушали все внимательно, казалось, что есть шанс решения в пользу защитного. Но исход, к сожалению, одинаковый.

ОТНОШЕНИЕ К МОЛОДОМУ ВОЗРАСТУ

Мелания, 19 лет: Иногда судьи смеются во время речи защитников. Я выгляжу достаточно молодо — один раз судья с издевкой расспрашивала меня, есть ли мне 18, получила ли я высшее юридическое образование. Это было неприятно.

Лидия, 20 лет: Со стороны подзащитных были люди вдвое старше меня — они положительно относились ко мне, задавали вопросы по делу. От судей же я пару раз слышала вопрос, есть ли у меня вообще высшее образование. Обычно это те же самые, что утверждают о существовании «стадии ходатайств».

Ксения, 19 лет: Боюсь, что подзащитный сочтет меня за непрофессионала. Иногда приставы ухмылялись, увидев дату рождения, но ни с какой негативной реакцией я не сталкивалась.

СЛОЖНОЕ И ИНТЕРЕСНОЕ

Мелания: Самое сложное — не падать духом, зная, что исход любого дела будет одинаковым. Еще тяжелее уговаривать подзащитных продолжать бороться несмотря ни на что.

Елизавета: Самое сложное- это общение с подзащитными. Люди не совершили ничего плохого и не понимают, почему с ними так обращаются. Часто дела сопровождаются непонятными действиями: полицейские вызывают на допросы, звонят с угрозами родителям или родственникам, пытаются узнать личную информацию, ставят на профилактический учет. Людям нужно объяснить, как обжаловать не только судебные решения, но и противоправные действия полиции. При этом общение с подзащитными — также и самое интересное. Это очень разные и интересные люди, вы проводите с ними в коридорах судов много времени, иногда по 10 часов, и узнаете друг о друге все больше.

Лидия: Для меня одновременно сложное и интересное — это общение с людьми. Сюда я включаю всех — от судей до подзащитных. С первыми, наверное, уже все понятно. Со вторыми мы начинаем работу еще до судебного заседания, когда надо созвониться, понять позицию человека, рассказать ему, к чему следует готовиться. Еще из интересного и практически полезного — публичные выступления. Если тебя выслушают, то это просто джек-пот.

Алина: Самое сложное — удержать все в голове. Часто данные о подзащитных мы получаем накануне вечером, у нас не так много времени, чтобы разобраться во всех нюансах. Особая путаница возникает, когда у тебя больше трех подзащитных в один день — нужно все выписать на бумагу, чтобы не упустить детали по каждому из них. Самое интересное — это когда в заседании участвуют полицейские и нужно их допрашивать.

Абу: Самое сложное — это объяснить подзащитным, что суд вряд ли будет на их стороне, даже если они просто проходили мимо. Трудно быть тем, кто «разрушает» надежды. Интересное — общение с подзащитными, потому что это всегда очень разные люди. Приятно было осознать, что есть подростки, — мои сверстники и те, кто помладше — которые осознанно идут на митинги. И им не все равно на то, что происходит сейчас в России.

Ксения: Самое сложное — разочарование после очередного штрафа. Вместе с тем после разговора с подзащитным я чувствую, что всё не просто так. Люди верят в перемены и не опускают руки. Это радует и придает сил.

Ещё почитать

27.02.2026 Москва

В Москве в третий раз за неделю у здания Генпрокуратуры задержали пикетчицу из Северной Осетии